Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественник. Л., 1984.
Макогоненко Г.П. Избранные работы: О Пушкине, его предшественниках и наследниках. Л., 1987.
Пирожкова Т.Ф. Н.М. Карамзин – издатель «Московского журнала»: лекции по курсу «История русской литературы и журналистики XVIII века». М., 1978.
Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М., 1976.

Р.И. Павленко (Саратов)

Приемы представления литературных материалов в «Независимой газете» середины 1990-х годов

Научный руководитель – профессор Е.Г. Елина

К середине 1990-х гг. «Независимая газета» вырабатывает ряд приемов, позволяющих, с одной стороны, свободно и легко, с другой – серьезно и обстоятельно говорить с читателем о литературе и литературном процессе. Они становятся особой маркой, формирующей стиль построения таких публикаций на страницах общественно-политических изданий рубежа XX – XXI вв.

Одним из наиболее частых и широко используемых приемов становится некрологическая публикация. Это межжанровое понятие объединяет в себе основные параметры некролога и эпитафии. Новый прием рождается на стыке информационного и художественно-публицистического жанров с добавлением элементов научного исследования или расследования, развлекательной составляющей и стремления к созданию публикации с функцией просвещения.

«Независимая газета» обращается к истории и биографии личностей, имеющих непосредственное отношение к литературным классикам. Журналист или коллектив авторов, чаще всего не имеющих прямого отношения к журналистике, производит регистрацию жизни потомка известного предка. При этом сам потомок почти всегда имеет собственный серьезный статус в обществе, науке или искусстве. В этом случае соединение двух значимых имен – предка и потомка – не призвано обогатить биографию последнего, но связать два значительных имени разных эпох, показать связь между поколениями и подчеркнуть ответственность каждого перед наследием великих литераторов.

В рубрике «Культура» в колонке «In memoriam» опубликован материал «Он не умел жить другой жизнью» – о творческом пути и профессиональных достижениях правнука Льва Николаевича Толстого, Никиты Ильича – доктора филологических наук, действительного члена РАН, известного славяноведа и балканиста. Авторы, ученики и коллеги рассказывают о трудном пути через

войну, сложности научного постижения мира с особой любовью к этнолингвистике и славянским древностям. Эти сведения открывают массовому читателю имя известного в профессиональном сообществе ученого. Высокий статус, особую значимость Н.И. Толстого подтверждают с помощью построения образной цепи, посредством фамилии, связывающей Льва Николаевича Толстого и Никиту Ильича Толстого. Главное звено этой цепи – первое употребление фамилии «Толстой», которая является отражением одновременно нескольких образов, связанных с именами Льва Николаевича, Алексея Николаевича и Алексея Константиновича. Этот образ по-разному и с разным уровнем узнаваемости закреплен в читательской памяти. Понять, что читатель представляет, когда читает фамилию «Толстой» мы можем, обратившись к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ). Из 2 911 457 слов в публицистических текстах за период с 1996 по 1999 гг. по запросу «Толстой», большая часть связана с именем Льва Николаевича, меньшая – с именем Алексея Николаевича, при этом употребление фамилии «Толстой» без инициалов, связано только с именем Льва Николаевича, в этом случае она ставится в ряд с фамилиями «Пушкин», «Достоевский», «Лермонтов», «Гоголь», «Тургенев» [НКРЯ: 10.03.2013]. Таким образом, мы можем предположить, что впервые читая «Никита Ильич Толстой», читатель скорее всего ассоциирует его именно со Львом Николаевичем и задает справедливый вопрос – «родственник ли»? Этот вопрос задерживает внимание читателя, заставляет его глубже погрузиться в текст, попытаться разобраться в этом спонтанном, но интересном вопросе.

Кроме того, что в сознании читателя рождается однозначная ассоциация, обнаруживаются и другие связи. Они имеют отношение к образам, возникающим при употреблении фамилии «Толстой». В первую очередь, это образ народного писателя, вдохновителя «толстовцев», учителя, искренне любящего своих учеников, заботящегося об их воспитании, человека, ушедшего от постоянных споров и ссор со своей семьей, умершего на железнодорожной станции. Этот образ проявляется с помощью остаточных энциклопедических знаний, знаний из школьной программы.

Отсылка к имени Льва Николаевича очевидна и в следующих строках: «Никита Ильич Толстой умер с мужественным смирением и твердой трезвостью мысли – ясно понимая, что уходит, и безоговорочно принимая Божью волю» [НГ 1996 № 119]. Однако, важно еще и то, что так или иначе в материале проводится важная параллель между судьбами прадеда и правнука: «…Он говорил о своих учениках, их научных и человеческих судьбах, и было очевидно, что это одна из самых важных сторон его внутренней жизни – учительство и ученики». Читатели, даже очень плохо представляющие особенности биографии Льва Николаевича Толстого, без труда смогут усмотреть в этом описании педагогического таланта Никиты Ильича связь с прадедом.

Использование этих образов, вызывающих у читателя особые воспоминания, влияет на восприятие материала. Во-первых, журналист пробуждает интерес, демонстрируя связь поколений и особые приметы наследственности (этот вопрос очень популярен в исследуемый период – восстановление родословной, обращение к истории рода, изучение и конструирование генеалогического древа семьи занимает умы многих граждан новой постсоветской России).

Во-вторых, автор публикации позволяет читателю вспомнить имя классика отечественной словесности не только на уровне «Лев Толстой – автор «Войны и мира» и «Анны Карениной», но и на уровне биографическом, полученном в школьные годы. Это воспоминание обладает, по крайней мере, двумя значительными свойствами: первое – читатель осознает, что он грамотен, знает литературу, помнит классиков, а значит, соответствует определенному интеллектуальному уровню; второе – он косвенно вспоминает моменты своей жизни, когда обращался к биографическим сведениям о жизни Льва Толстого, становится более сентиментальным и готов читать публикацию с новым, более лиричным настроем.

Заметим однако, что использование этих связей, формирующихся через образ Льва Николаевича Толстого, не является основным инструментом, рисующим портрет славяноведа и этнолингвиста Н.И. Толстого. Биографическое описание жизни и его научных достижений является основным компонентом некролога. При этом дополнительные связи, прямые – биографические – и косвенные – образные – с именем Льва Николаевича играют значительную роль – содержательно дополняют портрет и корректируют информацию о Никите Ильиче Толстом.

Такое построение материала представляет собой еще и попытку вписать современную действительность в историко-литературный контекст, определить исторические связи, позволяющие удержаться в русле классической литературы.

Другой прием, обладающий большим потенциалом привлечения читательского внимания, связан с публикацией дневниковых записей участников литературного процесса, к которым журналист добавляет авторское предуведомление, чаще всего биографического характера. С точки зрения жанров периодической печати, такие публикации относятся к аналитической группе, но обладают признаками информационной заметки и художественно-публицистической житейской истории [Тертычный 2000].

Большой интерес представляют исторические хроники современников исторического и литературного процессов XX в., публикуемые по материалам дневниковых записей. В № 119 «Независимой газеты» в рубрике «Стиль жизни» напечатаны страницы книги-дневника Сергея Минцлова «Трапезондская эпопея».

Они представляют собой подробный хронологический отчет о

событиях, происходящих в Кемере, Выборге и Петрограде в конце 1917 – 1918-м гг. Составитель материала в предисловии к статье предлагает читателю биографическую справку: Сергей Рудольфович Минцлов представлен читателю как один из крупнейших русских библиографов, ценителей, коллекционеров книги, беллетрист, исторический романист (в годы эмиграции).

Историческая, содержательная, информационная ценность этого материала не подлежат сомнению, в нем приводятся многочисленные цифры убитых и раненных, подробно рассказывается о системе мщения среди белых и красных, ярко представлено описание пыток и казней, дана исчерпывающая характеристика красногвардейцев. Этот пример русской словесности, размещенный на страницах общественно-политического издания середины 1990-х гг. именно в рубрике «Стиль жизни», на наш взгляд, наполняется новым смыслом. Стиль жизни – это некая искусственная парадигма, имеющая своей основой некоторую особенность, элитарность, специальный шик и шарм, с другой же стороны – это просто способ жизни, необходимы или принятый каким-либо человеком. В контексте общей нестабильности в России изучаемого периода материал, показывая известные, но забытые исторические примеры, носит профилактический характер, напоминает и предостерегает читателя от возможности повторения сценария прошлого.

Эта публикация обладает еще одной важной ценностью для читателя, увлеченного историей литературы и журналистики – она раскрывает особенности историко-литературного и журналистского процесса двух лет – революционного 1917 г. и года начала гражданской войны – 1918-го. «27 октября. …Газет опять нет никаких… 3 ноября. …Дочь ездила за почтой, но ни писем, ни газет нет по-прежнему». Газеты появляются только к середине декабря, но литературная ситуация нестабильна, особенные проблемы возникают с книготорговлей: «31 декабря. Из газет узнал, что за это время Финляндия окончательно отделилась от России и что мы живем теперь «за границей» в полном смысле этого слова. 20 марта. …Побывал у Вольфа, Карбасникова, Суворина – во всех книжных магазинах пустыня. Нет ни книг, ни покупателей» [НГ 1996 № 119]. В случае публикации данной статьи наблюдается троекратное пересечение исторической, литературной и биографической областей. Дневник беллетриста является фактом, имеющим отношение к области биографического и литературного, содержание дневника – предмет истории, фиксация общественно-политического и литературного процессов. Факт опубликования материала в России только в середине 1990-х гг. (в предуведомлении к статье Станислав Никоненко пишет: «…Сегодня мы предлагаем вашему вниманию те не публиковавшиеся в России страницы книги-дневника «Трапезондская эпопея», которые рассказывают о событиях в Финляндии в

1917 – 1918 гг.» [НГ 1996 № 119]) приводит читателя к неизбежному осмыслению написанного, заставляя внимательно просмотреть материал и осознать ужас событий революции и гражданской войны в России, приложить это знание к современной ситуации и отказаться от подобного сценария развития общественной ситуации в современном государстве. В дополнение к этому публикация материала является примером освобожденной журналистики, способной открыть тайны советского прошлого, рассекретить архивы, поддержать и напомнить о процессе возвращения запрещенной литературы XX в., снять гриф секретности с некоторых важных материалов.

При этом оба эти объяснения публикации дневниковых записей Сергея Минцлова на страницах «Независимой газеты» не противоречат друг другу – разрешенный материал не самого важного исторического значения появился в газете тогда, когда общественная ситуация теряла стабильность перед страхом нового этапа, новых реформ, новых потрясений. В том же номере размещены публикации аналитического характера в период предвыборной кампании 1996 г. Авторы ожидают серьезных изменений во всех сферах общества. Эта позиция отражается и в заголовках «Затишье – 2», «Что ожидает экономику после выборов», «Третий путь развития отечественного здравоохранения», «Новая экономическая политика для России» и др. Таким образом, публикация дневника Минцлова оказывается встроенной в общую тему номера – размышление о будущем страны в контексте грядущих изменений. С точки зрения литературного процесса биографическое предуведомление в начале публикации открывает читателю имя неизвестного широкой публике писателя-беллетриста и исторического романиста Сергея Рудольфовича Минцлова, чье литературное наследие первой трети XX в. оказывается актуальным и в 1990-е гг.

Смутные ожидания результатов предстоящих выборов, беспокоящие журналистов «Независимой газеты» получают свое развитие в № 123, вышедшем уже после победы Б.Н.Ельцина и продления его президентских полномочий. В той же рубрике «Стиль жизни» Игорь Доровских публикует статью «Царь, поэт, литература. К 200-летию со дня рождения Николая I» [НГ 1996 № 123]об отношении монарха к свободной литературе, А.С.Пушкину, а также о взглядах самого Пушкина на современный ему литературный процесс. Автор статьи в образе Пушкина представляет весь писательский и журналистский цех середины 1990-х гг., а в образе Николая I – вновь избранного президента. И в этом случае, в статье уже чувствуется мотив опасения, проходящий через ряд публикаций первых дней нового президентского срока. Общая его формулировка звучит так – не будет ли президент ущемлять права неугодных ему писателей и журналистов. Статья, несомненно, носит тот же характер, что и дневники Минцлова, но

посыл ее направлен уже в сторону правящей власти, а не в сторону смущенного народа. При этом факт публикации на страницах общественного периодического издания дает читателю возможность определить уровень озабоченности журналистов «Независимой газеты» складывающейся ситуацией.

Уже в середине 1996 г. в «НГ» наблюдается тенденция превращения материала о литературной жизни в увлекательное расследование, жанр, который способен привлечь читателя своей простотой, открытием новых сенсационных фактов литературной жизни. Прием соединения журналистского расследования и очерка с элементами статьи рождает новый способ привлечения внимания читателя.

Середина 1990-х гг. – это начало времени формирования журналистского саспенса в России – жанра, ставшего особенно популярным в середине 2000-х годов. Так в № 120 «Независимой газеты» в рубрике «Культура» вышла статья Евгении Ивановой «Философ в железном веке. Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы», рассказывающая о Витебском журнале научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М.М. Бахтина «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Автор публикации, говоря о журнале, испытывающем серьезные трудности финансового характера, обращает внимание на значимость исследований творческого наследия Бахтина и секретов его биографии. Подзаголовки публикации призваны привлечь внимание читателя, определить опорные точки в размышлении автора статьи над актуальной проблемой литературоведения: «Загадки Биографии», «Маски», «Дворянин или купец?». Евгения Иванова рассказывает об интересных и загадочных историях, найденных в том самом бахтинском журнале. «Тем не менее, именно биография преподнесла самые большие сюрпризы… Михаил окончил в лучшем случае пять классов гимназии. Никаких других следов продолжения учебы не обнаружено, и вся огромная научная и общекультурная эрудиция – плод самообразования» [НГ 1996 № 120]. Далее автор размышляет над вопросом авторства книг «Марксизм и философия языка» и «Фрейдизм», вышедших под именем близкого друга М.М. Бахтина Валентина Волошинова, а также «Формальный метод в литературе», вышедшей под именем Павла Медведева. Ученые спорят по этому вопросу в том числе и на страницах журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Биографы отстаивают право на авторство М.М. Бахтина, защитники Волошинова и Медведева занимают слабую позицию, уповая на тот факт, что имя Бахтина не забудется без авторства указанных книг, а имена двух других ученых могут уйти в забвение. Журналист увлечен еще одной загадкой биографии Михаила Бахтина, а именно его происхождением. «Полемический подтекст этого сюжета касается Михаила Бахтина лишь косвенно: о дворянстве Бахтиных писал английский биограф старшего брата Николая. Вот его-то и поправляет Семен Конкин – с

документами в руках, согласно которым братья Бахтины по рождению принадлежали к купеческо-мещанскому сословию…» [НГ 1996 № 120].

Стиль этой публикации сильно отличается от других, посвященных особенностям литературного процесса. Евгения Иванова пишет просто, без изысков, рассчитывая на самую широкую аудиторию. В те моменты, когда автор говорит о научных работах Бахтина, она избегает специальных терминов, нуждающихся в пояснении. В публикации личность серьезного ученого выступает в качестве объекта для разговора в стиле скандальной журналистики. Автор понимает важность своей статьи лишь в русле приобщения читателя к жанру журналистского расследования. Несомненно, биография братьев Николая и Михаила Бахтиных полна «белыми пятнами» [НГ 1996 № 120], но способ преподнесения информации не предполагает авторского уважения к личности М.М. Бахтина, как великого ученого, философа и литературоведа. Подобное изложение информации очень близко к понятию «инфотейнмента», прочно укрепляющемуся в системе журналистского метода того времени. Обучение через развлечение, восприятие сложной информации через простые игровые формы с неизбежным ущемлением ее значимости – это основные приметы «инфотейнмента». Для этого метода характерны броские заголовки, например, «Философ в железном веке. Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы». У читателя тут же возникают вопросы, почему век назван железным, почему бахтинский журнал автор читал при свете лампы, скорее всего настольной. Благодаря этим вопросам рождаются ассоциации с подцензурным временем, запрещенным чтением, отсылающие, в первую очередь, к истории советской России. Не менее значимы и подзаголовки в виде вопросов, например, «Дворянин или купец?». У читателя возникает естественное желание выяснить этот вопрос, тем более что он оказывается особенно актуальным в середине 1990-х гг., когда понятие о родовой принадлежности становится значимым для отдельных слоев населения. Те же, кто не могли позволить себе отыскать и описать историю семьи, восстановить ее генеалогическое древо, слышали о воссоздании родовых гербов и символов, проявляли к этому факту определенный интерес. Все эти способы вместе с сенсационными подтверждениями или опровержениями уже известных фактов, открытием новых, неизученных представляют собой общую картину материала, направленного на удивление аудитории. Этот метод подачи журналистского текста очень похож на метод, используемый в жанре саспенс, но все же уступающий ему по внутренней напряженности и яркости развязки. Таким образом, на примере статьи Евгении Ивановой мы наблюдаем, как впервые на страницах Независимой газеты в публикациях, посвященных литературной жизни, появляется новый метод, который ожидает большое будущее в современной журналистике.

Литературные и окололитературные изыскания, являющиеся основой журналистских публикаций о литературной жизни и литературном процессе, несомненно, ценны для читателя. Они открывают ему новые, до этого не известные широкой публике страницы истории литературы, определяют условия, в которых развивалась литература и литераторы, а, значит, удовлетворяют основным читательским потребностям, связанным с совершением новых открытий, обретением утраченной или неизвестной до этого информации, возможностью дальнейшего осмысления литературы в свете новых сведений.

Сведения и комментарии об историческом контексте, в котором развивалась и развивается отечественная словесность в последние два столетия, являются основой, информационным поводом для создания и опубликования журналистских исследований. Однако цель, которую они преследуют, отличается от той, которую ставят перед собой авторы статей в толстых журналах и, тем более, в авторитетных изданиях – академических, полных академических собраниях сочинений. Исследования, которые приводят журналисты в своих статьях, нельзя в полной мере назвать литературоведческими, поскольку они представляют лишь частичную информацию о творческом процессе того или иного автора, его окружении и некоторых условиях становления и развития литераторов. Однако сведения, носящие в большей степени биографический характер, определяющие историко-культурный контекст, в котором писатель находится или находился, придают, с одной стороны объемности звучанию несмелым журналистским высказываниям по поводу литературного творчества, а с другой стороны, представляют читателю новые имена, находящиеся на втором плане литературного процесса или связанные с ним опосредованно, но имеющими серьезное влияние на него.

Литература

Дворцов В.В. Литературный процесс против литературного рынка // XXI век. Итоги литературного десятилетия: язык-культура-общество. Ульяновск, 2011.

Доровских И. Царь, поэт, литература. К 200-летию со дня рождения Николая I // Независимая газета. 1996. № 123.

Иванова Е. Философ в железном веке. Над страницами бахтинского журнала и при свете лампы // Независимая газета. 1996. № 120.

Иванова Н. Русский крест: Литература и читатель в начале нового века. М., 2011.

Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2008.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruscorpora.ru.

Никоненко С. Сергей Минцлов. Былое. Русская революция в Финляндии. Фрагменты дневника 1917-1918 годов // Независимая газета. 1996. № 119.

Он не умел жить другой жизнью // Независимая газета. 1996. № 119.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.